

*Я одарю тебя молитвами души <...>
Молитвами любви, смирения и мира.*¹

А. С. Пушкин

Поэтический гений Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) был явлен миру как истинное чудо. «Наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигде и ни у кого», «ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось»², – справедливо утверждал христианский писатель-пророк Ф.М. Достоевский.

Сам Пушкин воспринимал ниспосланный ему талант не только как дар, но и как задание свыше – нести человечеству проповедь Божественной истины:

И Бога глас ко мне воззвал:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моею,

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей» (2, 149–150).

Стихи словно объаты Божественным пламенем горения духовного. Сердце поэта-пророка – это «*уголь, пылающий огнём*», в согласии с апостольским призывом: «*Духом пламенейте; Господу служите*» (Рим. 12:11). Неслучайно «**Пророк**» явился духовным ядром пушкинского творчества как служения пророческого, вместившего «в себе идею всечеловеческого единения, братской любви» (14, 419).

«*Велик и свят был жребий твой!..*» – восклицал о Пушкине Ф. И. Тютчев. Он же выразил задушевную мысль, излившуюся из самого сердца России:

*Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..*

Последующие поколения русских писателей и читателей, «*благоговевя богомольно перед святыней красоты*» (если говорить пушкинскими же стихами), в надежде вдохновения и творческого озарения припадали к родникам литературного наследия поэта. Неразделимый с Родиной проникновенный лирик С. А. Есенин писал, что Пушкин «*русской стал судьбой*». Поразительный есенинский образ соединил величайшего поэта России с главным христианским Таинством:

*А я стою, как пред Причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.*

В торжественном венке, сплетённом «*дивному гению*», сверкает множество драгоценных жемчужин – художественно-поэтических образов, восторженных слов признательности, изумления, восхищения, благодарности. И в то же время – скорби о ранней трагической гибели великого Поэта России, разделившего участь других убиенных русских поэтов-пророков.

Об их общей судьбе, предчувствуя собственную скорую гибель, писал современный поэт Николай Мельников, убитый при невыясненных обстоятельствах вблизи Оптиной Пустыни:

*На мне стоит клеймо поэта,
А у поэта на Руси –
Так довелось – недолги лета.
Мне тридцать. Господи, спаси!*

Во все времена властям предержавшим было ненавистно талантливое честное слово русских писателей и поэтов. «Свободы, гения и славы палачи» избавляются от неугодных самыми изощрёнными способами.

При этом в каждой любящей Пушкина душе утешительным упованием отзываются строки его заповеди о жизни вечной:

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит... (2, 460)*

Как послушание Богу сформулировал поэт программу своего творчества: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...» (2, 460). Покорный «веленью Божию», создавал Пушкин нетленные типы и образы своих чудесных сказок, поэм, повестей, «маленьких трагедий», драмы «Борис Годунов», романа в стихах «Евгений Онегин», всей своей многогранной, сверкающей алмазной россыпью лирики: пейзажной, любовной, элегической, анакреонтической, патриотической, вольнолюбивой, философской, религиозно-мистической, молитвенной... И «тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею», «свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды» (14, 434–435).

Ниспосланная величайшему русскому поэту «та особая характернейшая и не встречаемая, кроме него, нигде и ни у

кого черта художественного гения – способность всемирной отзывчивости», способность «любить человечество и носить в себе всеединящую душу» (14, 418–420) сотворила это дивное чудо пушкинского творчества. Во всякой человеческой душе, прикоснувшейся к нему, находит оно свой благодатный отклик. Вот почему каждый с полным основанием может сказать: «Мой Пушкин». Вчитываясь в него, важно сердцем найти самое для себя сокровенное – то, что выбирает душа.

Мой Пушкин – это прежде всего великий «духовный труженник», томимый «духовной жаждою», стремящийся «сердцем возлетать во области заочны»:

*Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата* (2, 442)

Это пламенеющий духом, рождённый «для вдохновенья, для звуков сладких и молитв» поэт-молитвенник:

*Молитесь – да взыдет к Небесам
Усердная молитва православных* (4, 210)

«Пробудясь, Господню волю Сердцем он уразумел», и это дало возможность создать настоящие духовные сокровища русской литературы.

Таковы «**Отцы пустынники и жены непорочны...**» – не просто поэтическое переложение великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина, но подлинное молитвотворчество. Всем сердцем обращаясь ко Господу, с покаянным смирением испрашивает Пушкин благодатных душеспасительных даров:

*Но дай мне зреть мои, о божже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.* (2, 456)

Как учил преподобный Максим Исповедник, «у человека два крыла, чтобы взлетать к Богу: свобода и благодать». Пушкин прославлял истинную свободу в Боге как одну из главных ценностей бытия. Он мечтал о ней, «как узник из тюрьмы замысливший побег» (2, 441). Невольником Пушкин ощущал себя не только в ссылках, куда власти изгоняли его за «свободный, смелый дар». Чувство подневольного, рабского положения, отведённого гениальному художнику в «стране рабов, стране господ», всегда угнетало поэта:

*Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег... (2, 387)*

Свободе посвящён маленький шедевр пушкинской лирики «Птичка» – крохотное и трепетное, словно певчая птичка, стихотворение, созданное на «чужбине», во время южной ссылки:

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

*Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать! (2, 7)*

Это поистине универсальное творение, которое воспринимается разумом и чувством и в самом малом возрасте, и в юности, и в зрелости, и в глубокой старости. Стихи написаны в связи с умиляющим сердце русским народным обычаем на Благовещение и Пасху выпускать из клеток перезимовавших в домах певчих птиц: «Знаете ли вы трогательный обычай

русского мужика в Светлое Воскресение выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это» (9, 66), – писал Н. И. Гнедичу Пушкин. Благоую весть, пасхальную радость воплощает отпущенная в небеса поющая вольная птица. Слышатся в стихах Пушкина и великая вера, и надежда, и любовь. Но любовь, по слову апостола, *«из них больше»* (1Кор.13:13). Согласно толкованию преподобного Максима Исповедника, «Вера и надежда имеют предел: любовь же, соединяясь с пребесконечным и всегда возрастая, пребывает в бесконечные веки».

Пушкину в его прозрениях и предчувствиях, несомненно, были приоткрыты духовные тайны *«жизни будущего века»*, Царствия Небесного. Поэт прямо говорил о действии Божьего Промысла в своей судьбе:

*Но здесь меня таинственным щитом
Святое Провиденье осенило,
Поэзия, как Ангел утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой... (2, 746)*

За два года до гибели у Пушкина сложились удивительные, таинственные стихи:

*Чудный сон мне бог послал –
С длинной белой бородою
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.*

*Он сказал мне: «Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь царствия небес.
Скоро странствию земному
Твоему придёт конец.
Уж готовит ангел смерти
Для тебя святой венец... (2, 634)*

Загадочное видение из иного мира отзывается в замирающей душе отрадой, благой вестью: «сон *отрадный, благовещный*». Но лирический герой, сознавая земность падшей человеческой природы, искажённой первородным грехом, не может в то же время не испытать смущённого замешательства, разноречивых чувств:

*Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я к моей кончине?
И страшуся и надеюсь,
Казни вечныя страшуся,
Милосердия надеюсь:
Успокой меня, творец... (2, 635)*

Всё в Божьей власти и Божьей воле. Отходивший ко Господу Александр Сергеевич Пушкин, по свидетельству В.И. Даля, внятно произнёс: «Ну, подымай же меня, пойдём, да выше, выше, ну, пойдём»³. Душа его начала восхождение. Поэт удостоился святого венца и Небесного Царствия по беспредельному милосердию Божию. Он пребывает в вечной гармонии и бесконечной любви Божией. Но нет на земном языке слов, чтобы выразить то, что непостижимо человеческим разумом. Ибо, как благовествовал апостол Павел, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим» (1Кор. 2, 9–10). Человеку остаётся только уповать на волю Божию – святую, благую, совершенную.

«*Да будет воля Твоя*», – это прошение ежедневно повторяют христиане в молитве Господней «*Отче наш...*», испрашивая того, что душеполезно, спасительно, богоугодно,

неподвластно человеческому уму. Отказом от самоволия и покорным приятием воли Божией завершает Пушкин своё стихотворение – в полном созвучии с молитвой Господней:

*Но Твоя да будет воля,
Не моя (2,635)*

Поэт осознал и прочувствовал это «*своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем*» (14, 416). И он же, по мысли Достоевского, «*дал и великую надежду, <...> что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть*» (14, 417). Пушкинское творчество, как и вся русская классическая литература, подобно православному Символу веры, проникнута христианским пасхальным упованием на воскресение «мёртвых душ»: «*Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века*».

ПРИМЕЧАНИЯ

Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 3. – С. 268. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880 // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. – Л.: Наука, 1988–1996. – Т. 14. – С. 436, 438. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

Записка доктора В. И. Даля // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Пг., 1916. – Вып. 25–27. – С. 68.